ОКТЯБРЬ 1926 ГОД № 40 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

На ст. Сокологорная, Мелитопольского округа, под открытым небом лежит 100 тыс. пудов пшеницы, в то время как вагоны грузятся арбузами.
Из газет.

„Смехач“.—Пусть твой арбуз хорош на вкус, но — увы! — не годится для головы...

Посвящается не только мелитопольцам.

Рис. Б. Малаховского

РАССЕЯННОСТЬ

— Разве собрание еще не кончилось?
— Нет еще—ждут председателя—резолюцию позабыл, так домой за ней уехал!..

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Германские социал-демократы, оправдываясь, утверждают, что дали взаймы английским горнякам *не из 12-ти, а из 4-х процентов.*

Эти доблестные социал-демократы стояли на мосту рабочей солидарности, зорко поглядывая на воду.

— Товарищ!—вскричал один из них.—Тонет человек, и я вижу, я узнаю, кто—это наш дорогой товарищ, английский горняк... Скорее помощь!

— Вот круг, товарищ... Но покричите тонущему...

— Алло! О-го-го! Камрад! Горняк! Мы сейчас вас вытащим! Держитесь! Видите этот круг? Ну, так вот мы сейчас его бросим вам в воду...

— Видали? Мне показалось, что его лицо осветилось благодарностью...

— Еще бы... Нельзя не быть благодарным, если тебе собираются бросить такой хороший, такой замечательный—«Made in Germania»—круг!..

— Да... Круг, действительно, замечательнейший. Стоит тонуть, чтобы получить такой круг... И если мы бросим такой круг совершенно напрасно, даром... Уверены ли вы, что наш дорогой английский товарищ действительно тонет? А ну, покричите ему...

— Алло! Скажите, положа руку на сердце, вы таки действительно тонете?

— Слышите? Он издал какой-то звук, вроде «Буль-буль». Я думаю, это утверждение. Придется бросить круг... И чем скорей, тем лучше...

— Однако же, камрад, не взять ли нам другой кружок, похуже... Тонущему не важно качество работы... Было бы за что ухватиться! Кричите ему, чтобы подождал. Я сейчас принесу...

— Алло! Камрад! Обождите тонуть! Мы вам сейчас бросим круг. Не этот, нет. Другой. Немного, знаете, попроще... Но разве вам не все равно, какой?

— Вот круг. Но он надломан и может разделиться на две половины. Бросайте осторожнее...

— Вы думаете, он разломается пополам? Н-да... возможно. Но тогда не бросить ли нам сразу только половинку? Дайте-ка перочинный нож—я попробую аккуратно отрезать... Алло! Камрад горняк! Держитесь ближе к нам! Сейчас мы бросим вам спасательную половину круга!...

— А что же мы будем делать со второй половиной, если первую унесет течение? Обождите бросать... У меня идея.

— Алло! Камрад! О-го-го! Где вы там? Обождите тонуть—у нас идея!

— Вот! Видите? В конце концов, что нужно тонущему? Что нибудь такое пробковое, за что можно было бы ухватиться. Мы бросим ему эту пробку от пивной бутылки. Скорее! Время не терпит... Кричите ему... Кричите, что, дескать, пробка подлежит возврату, после использования...

Азиат

НА КАРТОФЕЛЬНОМ ПИТАНИИ

Работницы-делегатки рассказывали, что им в Германии советовали взять с собой в СССР запас продовольствия, ибо «русские питаются, главным образом картофелем».

„Главным образом картошка?“
Это—правда до конца!
Но к картошке мы... немножко
Добавляем и мясца...

А к мясцу, для аромата—
Мучки, крупки, овощей,
Ибо, сказано когда-то,
Русь—немыслима без щей.

Если-ж мясо надоело,
Мы за рыбкой шлем сноху
И с картошкой варим смело
Превосходную уху.

А с ухой—таков уж русский
Нрав, желудок и роток,—
Аржанухи, для закуски,
Этак—фунтиков с пяток!

Ведь, не все-ж филей бараний,—
И осетр в пару хорош:
На „картофельном питаньи“
Гастрономничать отложь!

Ешь, камрады, полной ложкой,
Тешась нашею стряпней;
Мы питаемся картошкой,
Вы питаетесь—брехней!

В. Князев

СТОЯНКА ДОИСТОРИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Сотрудниками Академии истории материальной культуры в районе Токсово обнаружена первая в этом районе стоянка доисторического человека.

Из газет.

С ног до головы увешанный оружием, каждую минуту ожидая нападения каких-нибудь диких зверей, с компасами и телескопами в руках отважные путешественники пробирались через дебри девственных лесов в районе станции Токсово по Финляндской жел. дороге. Их было четверо: отважный Майнридов, научный Жюльвернов, проницательный Фенимор-Куперов и фантастически настроенный Уэлсов. Был еще один—пятый—Дюмафисов, но он в счет не идет: ему было поручено нести провизию, и он исследовал не столько природу, сколько содержимое свертков и бутылок, а поэтому его презренное имя умерло для науки и истории.

— Следы! Я вижу следы!—воскликнул Фенимор-Куперов и встав на четвереньки пополз по полянке.

Его товарищи, тоже встав на четвереньки, расползлись по его примеру в разные стороны.

— Потухший костер... обуглившиеся сучья... какие-то черепки...—исследовал почву Майнридов ..

— Я нашел старую подошву —прошептал Фенимор-Куперов...—Вся в дырах—вероятно, очень древнего происхождения.

— Сочинения Пушкина, издание Брокгауза и Ефрона, том 5, страница 123... Очевидно, книгу рвало существо, не уважающее поэзию и не понимающее высокого значения печати, — рассматривал Жюльвернов клочки засаленной и перемазанной бумаги.

— Почва разрыта... Здесь что-то вроде следов огорода... а здесь.. осторожнее, товарищи, не запачкайтесь...

— Смотрите,—шалаш!

Несколько кольев вбитых в землю, были перевиты древесными прутьями и образовали действительно какое-то подобие жилища. .

— Товарищи, друзья!—вдруг завопил Уэлсов.—Вы не понимаете, что это такое?

— А что? Костер... шалаш...

— Но какой костер? Какой шалаш? Это костер и шалаш нашего прародителя, первобытного человека!

— Ну уж и первобытного?—усумнился жевавший колбасу Дюмафисов.

— Ты, Дюмафисов, не мешайся не в свое дело. Конечно, первобытного. Я уверен, если поискать хорошенько, мы наверно найдем многовековые кости этого патриарха, а пока соберем все, что возможно, и сохраним для изумленной науки и благодарного потомства.

Друзья собрали пепел, головешки, черепки, тщательно сложили в кучку клочки изодранного Пушкина, и все это нагрузили на подавившегося крутым яйцом Дюмафисова.

— Подошву не потеряй! Ей миллионы лет!—волновался Фенимор-Куперов.

Шалаш друзья решили снять и перевести в музей.

Но только они стали вытаскивать из земли колья, как сзади них раздался негодующий вопль:

— Ах, вы, сукины дети, что вы тут делаете?!!

Друзья обернулись и застыли от изумления: перед ними стояло человекоподобное существо, грязное, темно-коричневого цвета, с копной волос на голове и пучками короткой колючей шерсти на голом теле.

— Первобытный человек!—прошептал в изумлении Уэлсов.

— Надо его поймать... Вперед!!—завопил Майнридов, и они все четверо бросились на ужасного троглодита.

Пятый, Дюмафисов, дожевывал бутерброд.

Устрашенный дикарь обратился в бегство,—но тщетно: преследователи быстро настигли его и, повалив на землю, пытались скрутить ему руки.

— Черти! Дьяволы!—отчаянно отбивался троглодит,—на шалаш польстились, голого человека и того грабят, налетчики проклятые!

— Виноват, гражданин троглодит, хоть вы и доисторический человек, а выражайтесь поосторожней: мы для блага науки стараемся; нам лично ваших шалашей не надо, несознательный вы, первобытный человек.

— Да какой же я первобытный? Я кассир из Ленинградодежды, я на даче здесь...

— Какая же это дача? Это жилище первобытного человека — шалаш, а не дача.

— А вы попробуйте настоящую дачу найти? Сколько она стоит? Поневоле в первобытный шалаш залезешь.

— А почему вы голый, если вы из Ленинградодежды?

— Что же мне на даче крахмал носить прикажете? Я солнечную ванну брал. Здесь, извините, не сквер, а лоно природы.

— А Пушкина зачем изорвали?—уничтожающе произнес Жюльвернов, поднося дикарю под нос клочек вырванной страницы.

— Какого еще Пушкина? Никакого я Пушкина не знаю. Это мне в нашем кооперативе колбасу завернули.

— А подметка?—спросил Фенимор-Куперов, потрясая подметкой.—Вы будете иметь наглость утверждать, что это не допотопная подметка?

— Ничего подобного, это моя подметка. Неделю тому назад сандалии в магазине купил, ну она и отвалилась.

— Да что его слушать!—вдруг воскликнул Майнридов.—Врет он все: просто улизнуть хочет, эти дикари хитрые—врет, комар носу не подточит, словно он анкету пишет.

— Братцы, граждане!.. Отпустите!! У меня еще отпуск не кончился, дайте на дачке пожить.

— Пожалуйте в археологический музей, там все разберут.

Неустрашимые охотники с торжеством увлекали свою упирающуюся жертву через непроходимые дебри к самому центру культуры.

Троглодит вопил.

Дюмафисов со вкусом доедал остатки провизии.

Нур.

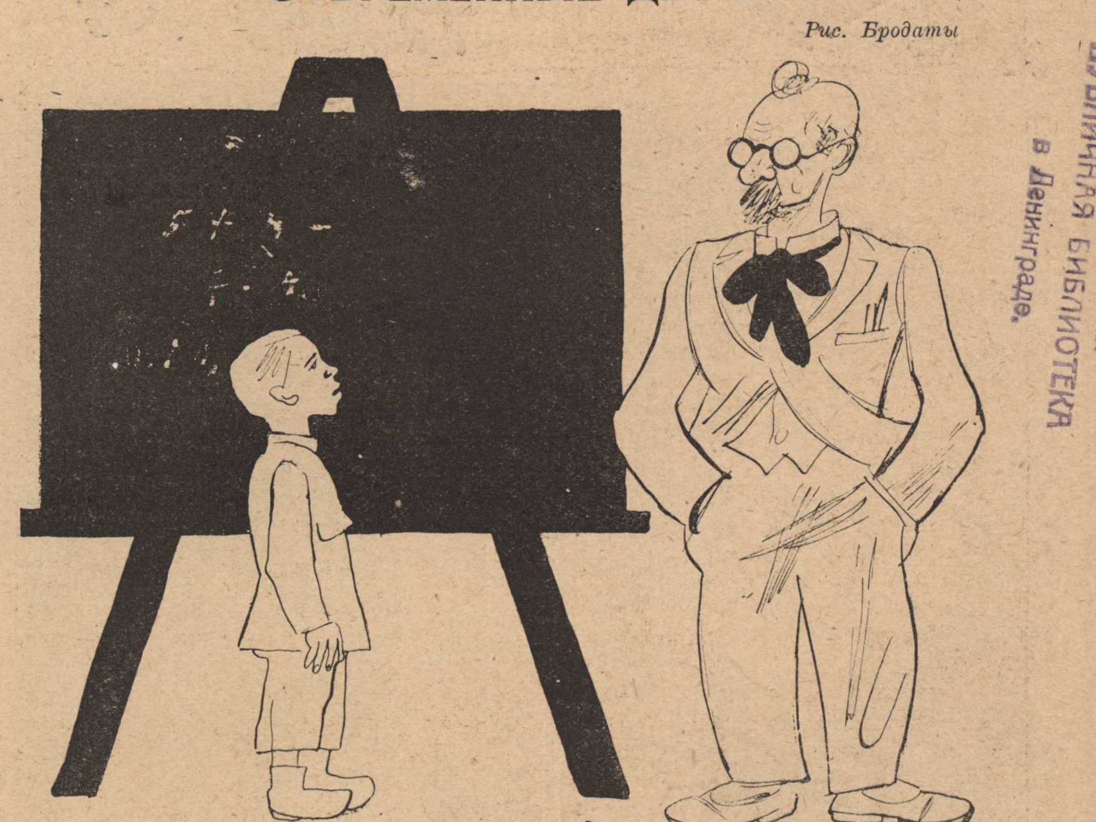
БАХВАЛ

— Поверьте, милые ребятки,—
Сказал однажды нам Лука,—
Нет, никогда моя рука
Презренной не касалась взятки!
— Не говори ты громких фраз,—
Ему с досадой молвил Влас,—
Не может быть, чтоб каждый раз
Ты успевал... надеть перчатки!

Альми

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

Рис. Бродаты

— Из трубы *А* в бассейн вливается в час 30 ведер воды, а из трубы *Б*—50 ведер. Требуется, чтобы из каждой трубы выливалось одинаковое количество. Как вы решите эту задачу, Иванов?

— По моему, необходимо исходатайствовать ссуду на ремонт канализации, Петр Степанович!

ПОДМОСКОВНОЕ

Рис. Б. Антоновского

Многие нынче живут под Москвой, чтобы не жить...

...под Москвой.

ЛЕГКОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

— Предложил я одному заву взятку, а он указал мне на дверь!

— Неужели выгнал?

— Не... Просто дал понять, что там за дверью могут подслушать!

ГРАНИТ НАУКИ

— Какая часть речи—хлебозаготовка?

— Предлог для накладных расходов.

ЗАПАРИЛСЯ...

— Что вы скажете по поводу солнечной системы?

— Система хороша, но исполнители плохие...

СХОДСТВО

— Какое сходство между плохой акушеркой и не честным управдомом?

— Оба совершенно свободно оперируют домашними средствами!

ГОС-КОРОВА

Произведенное РКИ обследование 10 хозорганов (гомза, продсиликат, Орехово-Зуевский трест, нефтесиндикат, кожсиндикат, кардолента, Моссукно госшвеймашина, военпром и Северолес) вскрыло ***вопиющие безобразия*** в проведении режима экономии в ряде крупных учреждений.

Десятки тысяч ухлопывались на проезд в международных вагонах, на обс:ановки квартир. на обеды для делегатов и т. д.

«Кр Газета».

Читатель милый, не взыщи,
Как не балдеть от лютой злобы?
Не европейские хлыщи,
Не накрахмаленные снобы—

Свои, советские рвачи,
Гнилые клали кирпичи
И к гос-корове, за удой,
Бессменной льнули чередой...

Ты, чемодан из желтой кожи,
Не ты-ль ехидно показал
Отображенье бритой рожи,
Тебя везущей на вокзал?
Не ты-ль в пути всегда готов
От дутых распухать счетов?

Миллионы в бедности суровой
По трудной шествуют тропе,
Не для того, чтоб рвач махровый
Лежал в малиновом купэ.

Не для того кредиты в массе
Сжимает жесткая рука,
Чтоб сотни тысяч в тесной кассе
Плясали в вихре трепака...

Не для того мы бьемся тяжко
За рубль советского добра,
Чтоб на полу приказ-бумажка
Лежал без помощи с утра.

Настало время для улова,
Стране метелка—лучший дар
Тогда, когда бессильно слово
И нужен яростный удар!..

Александр Флит

Готовится специальный № «Смехача»
«ДОМАШНИЙ»

ЖИВОТ ЗАВА

(Драма в Кукольном Тресте)

В некоторых учреждениях Ленинграда и Москвы введена десятиминутная «зарядовая» гимнастика перед занятиями для возбуждения энергии к работе

Рис. Н. Р.

Заряжаясь гимнастикой в Кукольном Тресте,
Зав, помбухи, пишмашки, начканц и курьер
Гнутся влево и вправо, мчатся рысью на месте,
Скачут вверх, приседают на бабий манер.

Инструктирует пестрое полчище это
Счетовод Парамошкин (девятый разряд),
Потому что зачем-то, когда-то и где-то
Он прочел по гимнастике куцый доклад.

Он был сер и застенчив, и робел пред начканцем,
Но минутною властью опьянен, как вином:
Даже бледные щеки заалели румянцем,
И придавленный голос раздается, как гром!

Он командует—важный, решительный, строгий—
Хоть Буденному впору:—„Шерренга! вперед!
Левофланговый, эй! Макаронные ноги!
Попрошу подобррать безобрразный живот!"

Левофланговый—зав: из себя он Париса
Пред пишмашками строит игриво... и вот—
Этот жалкий болван...—„Ну, постой же ты, крыса!
Боком выйдет тебе мой несчастный живот!"

А начканц, разгадавший без слов эту драму,
Приседает и думает: „Чудно! Я рад!
Парамошкина в яму, дяде в Минск телеграмму:
Приезжай, есть вакансия, средний оклад".

Скиталец

ХОРОШИЙ ГОСТЬ

I.

— Какие наши делишки? По субботам торговлишка еще туда-сюда, а в остальное время—катастрофа-с!..

Старший официант (участник в деле) Семен Иванович вздохнул, спрятал в карман штопор и спросил:

— Раков не прикажете? Сейчас сварены. Позволительно сказать—омары.

Помсчетовод Пружиков глотнул пива и задумчиво покачал головой.

— Кусаются у вас раки-то... Вот, если бы я в тресте на должности Лямкина был, тогда... Завхоз он. Понимаете?

— Так точно.

— Он вчера девятую тысячу почал... Мне, говорит, все равно — пропадать, одной больше, одной меньше, а по крайности — приятелей ублаготворю. Да... Вчера „афинскую" ночку закатили, одной „абрашки" дюжины три... И по сейчас еще в голове... Дайте-ка свежепросольный!

Семен Иванович принес огурец и ласково улыбнулся.

— А нельзя ли им наше заведение порекомендовать? Вам ведь известно-с, у нас комфорт, первоклассная кухня, цены...

— На цены ему наплевать! Не свои платит. Только он—парень с самоуважением... Прекословия не терпит.

— Помилуйте-с!..

— Да, вот именно. Лямкин отказу не признает ни в чем. Скомандует, и чтобы все в один момент. Понимаете?

— Очень даже-с! Хорошему гостю у нас завсегда...

— Ну, то-то! А привезти я его могу, мы с ним—закадычные, без меня у него и аппетиту нет.

Пружиков поглядел на часы, а Семен Иванович согнулся пополам и конфиденциально шепнул:

— А уж с нашей стороны.. За комиссию там, и прочее... Мы ведь понимаем...

— Ладно, ладно, там посмотрим, а пока приготовьте большой кабинет и чтобы все...

— Господи! Да неужли-с? Уж будьте спокойны!

II.

Под утро Семен Иванович сбился с ног. Красный, в размокшем воротничке, стоял он у конторки и диктовал буфетчице счет. Заспанная девица щелкала на счетах и выводила трехзначные цифры.

— Деволяйных котлет одиннадцать порций... Да не забыть бы, — шоферам тридцать два рубля припишите. За утопленную кошку—шесть рублей, за лунный пейзаж над диваном. .

„Уф!..—отдувался он, неся на подносе счет.—Бывает же планида... В „Самарканде" один такой же растратчик о прошлом годе две недели подряд кругил, пока его не заарканили". .

Восседавший на диване амфитрион Лямкин, плотный брюнет в расстегнутой жилетке, поднял на Семена Ивановича мутный взор и громко икнул.

— Что тебе? Счет? Ладно. Завтра в контору мне к двум часам. Понял?— и тихонько засмеялся, колыхая животом и обнимая даму.—На чаи-то нынче не полагается, так ты уж просто припиши полсотни, — детишкам на молочишко... А сейчас я желаю чистого воздуху!

III.

Старший делопроизводитель „Паклетреста" поглядел на Семена Ивановича сквозь колеса очков.

— Лямкина? Такого у нас нет. Что? Завхоз у нас—Рыжов, да и тот в отпуску. А вам зачем?

Семен Иванович растегнул пальто и отер со лба холодный пот.

— Извиняюсь,—сказал он,—из себя сни будут черные брюнеты и полные?

— Не иначе, — ошибка — улыбнулся делопроизводитель. — Рыжов седой. Да в чем дело?

— Так, по личному... А гражданин Пружиков?

— Это в бухгалтерии, комната номер. . Впрочем, нет. Пружиков сокращен в прошлом месяце.

— Так-с!..—сказал Семен Иванович и неожиданно сел на стул.—Так-с, кругом шестнадцать! .

И лицо у него стало нехорошее.

Делопроизводитель на всякий случай шагнул к дверям, а испуганная машинистка напечатала слово „Внешторг" с маленькой буквы.

Арк. Селиванов

ПРОВИНЦИЯ

От неожиданности я даже протер глаза. Да, нет же, нет, не может быть на свете двойников! Несомненно, это был Ленинградский милиционер, тот самый, именно тот самый, который и так дальше.

Я немножечко покружил вокруг него, а потом, набравшись вволю храбрости, свернул с панели на мостовую.

— Здрасте,—сказал я.

— Здрасте,—ответил он.

Он! Он! Несом енно он, ленинградский, тот самый, который и так далее.

Но все таки нужно было убедиться в этом окончательно, по-настоящему. И я спросил:

— Скажите, это не вы будете тот самый милиционер, который прошлое лето стоял в Ленинграде на углу Садовой?

— Мы,—ответил он просто, но солидно И прибавил:—Перевелся к вам в Курий городок, по причине родни.

Внутри меня все запело.

О, радость мести! О, бесконечное наслаждение мстящего, разящего мертвой хваткой!

— Дзинь, дзинь, дзинь,—зазвенел колокол трамвая.

— Милиционер!—крикнул я,—смотрите!

И залихватски вскочил в вагон трамвая на полном ходу, да еще с передней площадки.

— Ааааа!—зарычал милиционер и немедленно данной ему свыше властью остановил вагон.

— Платите штраф,—приказал он.

— За что?—ласково спросил я.

— За что?—ласково спросил вагоновожатый.

— За что?—ласково спросил кондуктор.

— За что?—ласково спросила пассажирка-старушка.

— А что такое штраф?—спросил юный пионер, приподнимаясь с колбасы.

Просто, но солидно и с достоинством милиционер объяснил, за что он желает оштрафовать меня. И не успел он кончить, как все оживилось и запело вокруг него.

— Милиционер,—принялись все на перебой объяснять ему,—да разве за это штрафуют?—Откуда вы свалились, милиционер?—и придумают же, право! Ха, ха ха, ха!

— Поедем, что ли-ча?—спросил вагоновожатый.

— Поедем,—сказал кондуктор.

— Ну, позвони мне.

— Бабки, держитесь,—напугал кондуктор,—трогаемся!

Я высунулся в окно и, увидев, что милиционер смотрит на меня, подмигнул ему и, не теряя времени, спрыгнул на землю, воспользовавшись для этого задней площадкой вагона.

— Издеваешься?—угрюмо спросил милиционер.

— То ли еще будет!—ответил я и принялся закуривать папиросы. Не прошло и минуты, как милиционер был окружен венком из окурков и спичек. На землю летели спички старая газета, письма, странички из записной книжки, воротничок и даже пара запонок.

— Издеваешься?—хрипло спросил милиционер.

— Ну,—умолял его я,—оштрафуй! Вспомни Ленинград, вспомни, сколько раз открывалась ради меня твоя книжка! Ну, оштафуй же, оштрафуй!

— Когда я освобожусь от дежурства,—сказал он решительно, я побью тебе морду.

Я смерил глазами его фигуру и спросил:

— Скажите... гражданин милиционер... э... э... э... когда вы освобождаетесь от дежурства?

— Через два часа.

Тогда я снова повеселел: дело в том, что через час я уезжал в Ленинград.

— Прощайте. милиционер!—ласково сказал я.

— До свидания!—угрюмо предупредил он.

В Ленинграде его пока нет. Но, вдруг, его потянет на север? Что тогда со мною будет! Что будет!

Евграф Дольский.

ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ

— Подайте, Христа ради! Две недели не ел!

— Две недели, говорите? А вы в каком доме отдыха, собственно, были?

В ТОЧНОСТИ

— На сколько процентов вам удалось провести экономию на вашем предприятии?

— На все 100%: предприятие ликвидировано!

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

В пивной Моссельпрома № 45 (Кр. Пресня) с покупателей берут за пиво не только деньгами, но и вещами. Кожаные ботинки расцениваются в 30 коп. пара.
„Рабочая Газета"

Рис. Н. Радлова

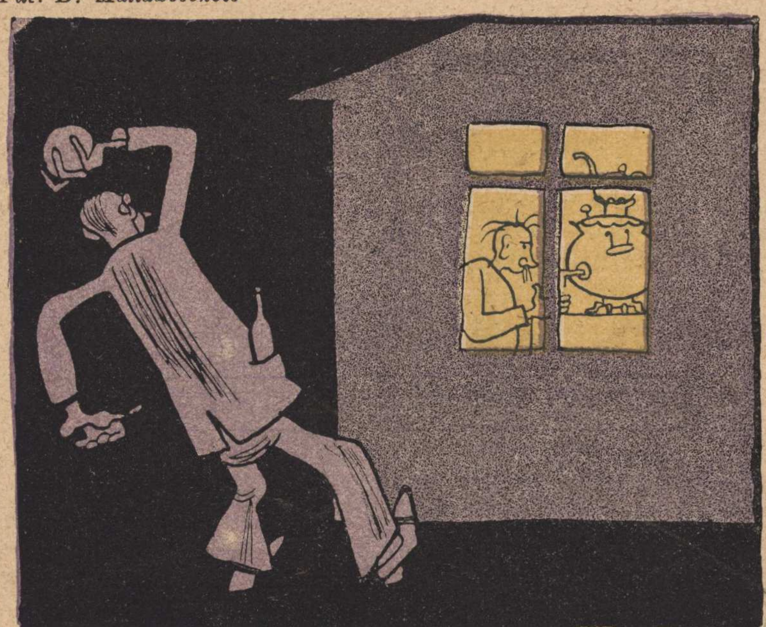
Пара за пару

ОСТОРОЖНЫЙ ПОДХОД

На фабрике „5-й Октябрь" вокруг многих квартир возведены палисадники, как мера предупреждения хулиганских выпадов.

Из газет.

Рис. Б. Малаховского

1. Жил был несознательный рабочий Иван Бузилов. Попросту говоря, хулиган. Бывало, вечер подойдет, он сейчас к чужому окну. Камни швыряет, матюгается.

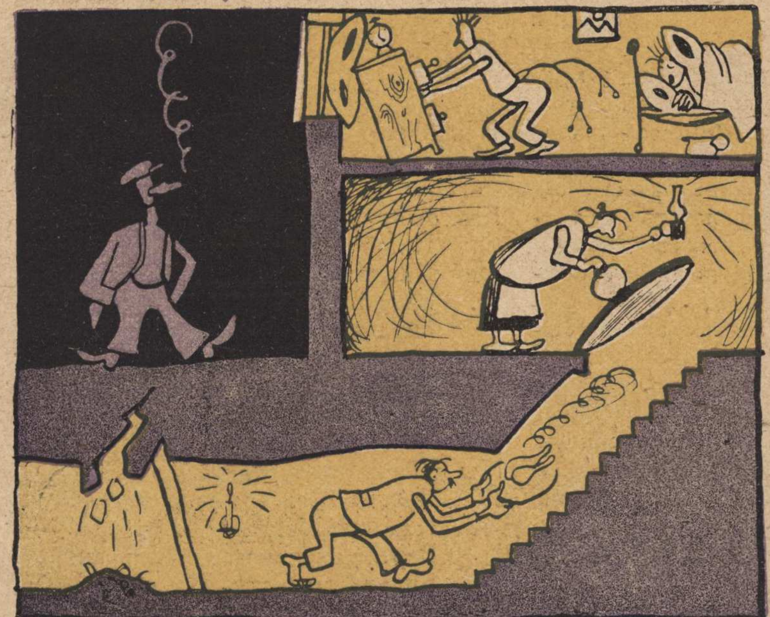
2. Решили домик палисадником оградить. Да куды там! Только вечер подойдет — сейчас Иван Бузилов через палисадник и к окну. Разные хулиганские выпады делает. Беда!

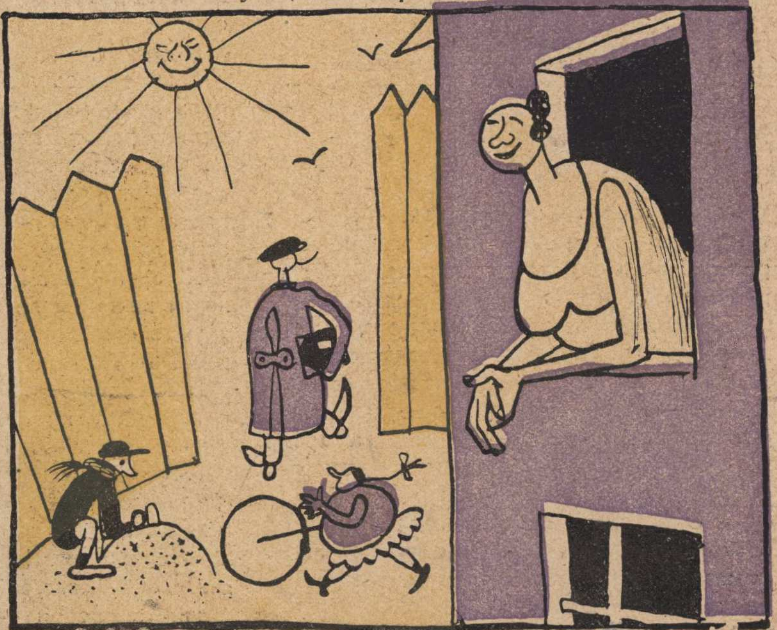
3. Решили тогда домик забором обнести. Не достанет теперь Ванька. Какой-там! Достал. На плечи к товарищу взбирается и стекла бьет, почем зря! Прямо ума не приложишь ..

4. Пристроили к дому второй этаж. Да не к чему. Достал Ванька невесть откуда лестницу пожарную, стоит — похваляется. А гражданин с семьей дрожит—волнуется. Не всякому приятно трехэтажное к чаю слушать...

5. Стал гражданин дома отсиживаться На службу и не ходит. Все окна досками заколочены. Пищу подземным ходом несут. По ночам семья дежурство несет. Честь честью. А Ванька ходит кругом да похваляется.

6. И вдруг ожило все. В одно прекрасное угро гражданин на работу пошел. Детишки его на улице резвятся. В чем дело? Что за чудо?
Умер, читатели, Ванька Бузилов. Прошлой ночью перепился и умер.
Вот как на фабрике „5-й Октябрь" с хулиганством борются! Умеючи!

ГОЛОС ИЗ НУТРА

Рис. Б. Антоновского

— Осторожнее, Марья Ивановна! Этак вы и фигуру потеряете...
— Ах, милый... Если бы это мне удалось сделать на курорте...

ПОПОВСКОЕ ПОКАЯНИЕ, ИЛИ БЛАГО ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ

Теряющие доход «обновленцы» возвращаются в «лоно православной церкви». Так в ленинградской Тихвинской церкви (Выборгская сторона) состоялось публичное покаяние «обновленцев».

Как у паперти церкви божией, как у той ли, у Тихвинской, у матушки, собиралися люди - прохожие — старики, старушки да ребятушки.

Собирались люди вереницами, собралися—стоят, толкаются: ходят слухи—летают птицами, что попы-де сегодня каются; что попы, мол, поклоны низкие бьют с амвона народу-публике за грехи за свои «большевистские», за моленья о советской республике.

— Опоганили мы, мол, церковь божию обновленческой службой адскою, перестанем ходить с бритой рожею и одежу, де, снимем статскую.

Архиерей с тремя попами лысыми размахался кадилом-ладаном.

— Коль ведро мол запачкано крысами, освятить его тут же надо нам!..

Вьется дым струею кадильною, херувимы с потолка улыбаются; прихожане с лицами умильными вперебой слезами заливаются.

А замаялись люди поклонами уморились люди моленьем— с колокольни ударили перезвонами, а с клиросов—песнопением, началось, это, значит, молебствие с богородичным длинным акафистом; многолетие гаркнул впоследствии толстый дьякон басом раскатистым.

Шел рабочий Иван Мирошников с молодой женой и детишками; был Иван из кружка безбожников, занимался безбожными книжками.

Посмеялся Иван с молодицею, разузнав суть дела у публики.

— Мол, небось не святят водицею большевистские поганые рублики!.

А попы, что с амвона каялись, шли домой, ухмыляясь радостно:

— Слава богу! Теперь отмаялись! Будет снова легко и благостно. Что-ж, не вышло с «новой»—не надо... Вот сколько ходит к «старым» народишка!..

Два часа поморочили «чада» и опять вернулся доходишко!

Р. Волженин

РАЗМАХ

Череповецкая газета «Коммунист» сообщает, что череповецкие хозяйственники составили план местного хозяйства на 200 лет вперед.

Какой размах! Какая ширь!
Глазам не веришь! Небылица!
Разинув рот, на нас весь мир,
Как ошарашенный, дивится.
Подумать только: начертить,
Как полагается, по смете,
Хозяйственных деяний нить
На протяженьи двух столетий!
Предусмотреть перерасход
На транспорт (ну не диво ль это?),
Когда заменит, в свой черед,
Автомобиль и самолет
Межпланетная ракета!
Ввести в графу сверхземных смет
Командировочные—в сферы
Вертящихся вкруг нас планет
Вплоть до Сатурна и Венеры!
Учесть на двести лет вперед
(А срок, ей-богу, не короткий!)
Всю цепь растрат, кто что сопрет,
И сколько сядет за решетки!

Вл. Ленский

БЕДНЫЙ МАКАР

Макар Теляткин проснулся и долго глядел в потолок.

И на белом потолке, похожем на большой неисписанный лист бумаги, огненными буквами рисовалось одно только слово: «Стыдно».

— Стыдно!—морщась от воспоминаний о вчерашней беседе, неприятно думал Макар Теляткин. — Этот чорт совершенно прав в своей критике. Ты журналист, Макар; тебе дано в руки величайшее оружие, сильней и благороднее которого ничего нет—слово! И как же ты владеешь этим оружием? Чорт знает, как! Паршиво владеешь, Макар! О чем ты пишешь? Какие темы берешь ты для своих ядовитых статей? Ты радуешься, рассусолив на сотню строк какую-нибудь идиотскую штуку, а вокруг тебя, в жизни, столько серьезных, острых, волнующих сознание тем! Пусть ты, Макар, живешь в провинциальном городке, пусть у газеты «Красный Молот», в которой ты пишешь, тираж всего две с половиной тысячи — что с того? По существу все газеты равны, и «Красный Молот» имеет такие же обязательства перед читателями, как и «Правда» в Москве. Стыдно, Макар, писать сто строк о свинье, лежащей среди площади Восстания! Чорта ли в этой свинье!

— Ну, ладно!—энергично сказал сам себе Макар Теляткин, натягивая на ногу штанину. — Довольно! Возьмемся по настоящему!

*

— Возьмемся, чорт меня дери, по настоящему! — решительно повторял Макар Теляткин, взвинчивая себя и, когда воинственное настроение достигло высшей точки, он отодвинул недопитый стакан утреннего чая и схватился за перо.

— Ну, держись, подлецы! Я вам покажу, что такое журналист Макар Теляткин! С кого начать?

— С кого! Хо-хо!—Перед мысленным взором Макара Теляткина был непочатый край. Бери кого хочешь! Была бы только охота брать!

— Например, почему бы не продернуть самого... Ну, да! Самого начальника 2-го отделения милиции? Что-ж с того, что он начальник? Эка штука? А ежели этот начальник девчонкам проходу не дает? Ежели он вчера уволил служащую за «неподчинение?» Ага! Попался, милый?! Ты думаешь, на тебя и управы нет? А помнишь у Пушкина: «Борис, Борис, все пред тобой трепещет... А между тем монах трудолюбивый на тебя... статью пишет»...

Макар Теляткин зажмурился от восторга. Он представил себе, какой ослепительный эффект произведет завтра его статья.

О! Это будет почище взрыва бомбы! Газета—на расхват.. Все рвут на части, все читают его статью!.. И он уже слышит, как все говорят: «Вот молодец! Ай да Макар Теляткин! Не побоялся!»

Восторг наполнил все существо Макара, начиная с кончика пера и кончая незашнурованным ботинком (до шнурков ли в такую решительную, неповторяемо-единственную в его жизни минуту!) И даже мурашки побежали по спине.

Побежали мурашки и, добежав до середины, остановились, как раз в то мгновение, когда Макар задал себе вопрос:

— А дальше что? Гм... Что, в самом деле, будет дальше?

Мурашки по Макаровой спине замерли, выжидая ответа.

Дальше будет землетрясение. Звонки в редакцию... Кто писал? Подать сюда! Испуганный редактор, умирающий секретарь... Что вы наделали, товарищ Теляткин? Вы нас зарезали! А дальше — непродолжительная поездка с продолжительной остановкой. И еще дальше — «подпишитесь, товарищ, под показанием»...

М-да-а...

Упомянутые выше мурашки на спине Макара дрогнули, похолодели и медленно поползли обратно, доползли до затылка и, пробравшись под взлохмаченные волосы, легонько подняли их дыбом.

— Идиот!—сказал сам себе Макар Теляткин, а мурашки, с удовлетворением константировав благоприятный перелом, спокойно улеглись и исчезли.

— Идиот! В Сосновские захотел! Ишь, какой нашелся «Сосновский на местах!»

— А что, если все таки рискнуть? А? Ну, хоть для очистки совести? Написать статью... ну, хоть о старшем милиционере!

И сейчас же возник сам собой ответ:

— Пиши. Дальше корзины не пойдет.

Пол-часа Макар Теляткин сидел, уставив тусклые, потухшие глаза на открытку с Луначарским.

Потом спохватился. О! уже двенадцать, а к часу нужно сдавать материал.

Вздохнул и уныло принялся за очередную свинью, которая на этот раз была тараканом запеченным в булку ЕПО.

Писал Макар без особого вдохновения.

Ив. Прутков

ПОЛНЫМ ХОДОМ

— Что вами предпринято в борьбе с хулиганством?

— Поставлен срочно на очередь вопрос о включении в ближайшую повестку дня вопроса о созыве собрания для избрания комиссии по борьбе с хулиганством!..

ПОСТАВИМ ОЧЕРЕДНОЙ ЗАДАЧЕЙ: ДВЕРЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗРЯЧЕЙ!

Рис. Н. Радлова

ГОЛОС ИЗ НУТРА

Рис. Б. Антоновского

— Осторожнее, Марья Ивановна! Этак вы и фигуру потеряете...
— Ах, милый... Если бы это мне удалось сделать на курорте...

ПОПОВСКОЕ ПОКАЯНИЕ, ИЛИ БЛАГО ВСЯКОЕ ДАЯНИЕ

Теряющие доход «обновленцы» возвращаются в «лоно православной церкви». Так в ленинградской Тихвинской церкви (Выборгская сторона) состоялось публичное покаяние «обновленцев».

Как у паперти церкви божией, как у той ли, у Тихвинской, у матушки, собиралися люди - прохожие — старики, старушки да ребятушки.

Собирались люди вереницами, собралися—стоят, толкаются: ходят слухи—летают птицами, что попы-де сегодня каются; что попы, мол, поклоны низкие бьют с амвона народу-публике за грехи за свои «большевистские», за моленья о советской республике.

— Опоганили мы, мол, церковь божию обновленческой службой адскою, перестанем ходить с бритой рожею и одежу, де, снимем статскую.

Архиерей с тремя попами лысыми размахался кадилом-ладаном.

— Коль ведро мол запачкано крысами, освятить его тут же надо нам!..

Вьется дым струею кадильною, херувимы с потолка улыбаются; прихожане с лицами умильными вперебой слезами заливаются.

А замаялись люди поклонами уморились люди моленьем— с колокольни ударили перезвонами, а с клиросов—песнопением, началось, это, значит, молебствие с богородичным длинным акафистом; многолетие гаркнул впоследствии толстый дьякон басом раскатистым.

Шел рабочий Иван Мирошников с молодой женой и детишками; был Иван из кружка безбожников, занимался безбожными книжками.

Посмеялся Иван с молодицею, разузнав суть дела у публики.

— Мол, небось не святят водицею большевистские поганые рублики!.

А попы, что с амвона каялись, шли домой, ухмыляясь радостно:

— Слава богу! Теперь отмаялись! Будет снова легко и благостно. Что-ж, не вышло с «новой»—не надо... Вот сколько ходит к «старым» народишка!..

Два часа поморочили «чада» и опять вернулся доходишко!

Р. Волженин

РАЗМАХ

Череповецкая газета «Коммунист» сообщает, что череповецкие хозяйственники составили план местного хозяйства на 200 лет вперед.

Какой размах! Какая ширь!
Глазам не веришь! Небылица!
Разинув рот, на нас весь мир,
Как ошарашенный, дивится.
Подумать только: начертить,
Как полагается, по смете,
Хозяйственных деяний нить
На протяженьи двух столетий!
Предусмотреть перерасход
На транспорт (ну не диво ль это?),
Когда заменит, в свой черед,
Автомобиль и самолет
Междупланетная ракета!
Ввести в графу сверхземных смет
Командировочные—в сферы
Вертящихся вкруг нас планет
Вплоть до Сатурна и Венеры!
Учесть на двести лет вперед
(А срок, ей-богу, не короткий!)
Всю цепь растрат, кто что сопрет,
И сколько сядет за решетки!

Вл Ленский

БЕДНЫЙ МАКАР

Макар Теляткин проснулся и долго глядел в потолок.

И на белом потолке, похожем на большой неисписанный лист бумаги, огненными буквами рисовалось одно только слово: «Стыдно».

— Стыдно!—морщась от воспоминаний о вчерашней беседе, неприятно думал Макар Теляткин. — Этот чорт совершенно прав в своей критике. Ты журналист, Макар; тебе дано в руки величайшее оружие, сильней и благороднее которого ничего нет—слово! И как же ты владеешь этим оружием? Чорт знает, как! Паршиво владеешь, Макар! О чем ты пишешь? Какие темы берешь ты для своих ядовитых статей? Ты радуешься, рассусолив на сотню строк какую-нибудь идиотскую штуку, а вокруг тебя, в жизни, столько серьезных, острых, волнующих сознание тем! Пусть ты, Макар, живешь в провинциальном городке, пусть у газеты «Красный Молот», в которой ты пишешь, тираж всего две с половиной тысячи — что с того? По существу все газеты равны, и «Красный Молот» имеет такие же обязательства перед читателями, как и «Правда» в Москве. Стыдно, Макар, писать сто строк о свинье, лежащей среди площади Восстания! Чорта ли в этой свинье!

— Ну, ладно!—энергично сказал сам себе Макар Теляткин, натягивая на ногу штанину. — Довольно! Возьмемся по настоящему!

*

— Возьмемся, чорт меня дери, по настоящему! — решительно повторял Макар Теляткин, взвинчивая себя и, когда воинственное настроение достигло высшей точки, он отодвинул недопитый стакан утреннего чая и схватился за перо.

— Ну, держись, подлецы! Я вам покажу, что такое журналист Макар Теляткин! С кого начать?

— С кого! Хо-хо!—Перед мысленным взором Макара Теляткина был непочатый край. Бери кого хочешь! Была бы только охота брать!

— Например, почему бы не продернуть самого... Ну, да! Самого начальника 2-го отделения милиции? Что-ж с того, что он начальник? Эка штука? А ежели этот начальник девчонкам проходу не дает? Ежели он вчера уволил служащую за «неподчинение?» Ага! Попался, милый?! Ты думаешь, на тебя и управы нет? А помнишь у Пушкина: «Борис, Борис, все пред тобой трепещет... А между тем монах трудолюбивый на тебя... статью пишет»...

Макар Теляткин зажмурился от восторга. Он представил себе, какой ослепительный эффект произведет завтра его статья.

О! Это будет почище взрыва бомбы! Газета—на расхват.. Все рвут на части, все читают его статью!.. И он уже слышит, как все говорят: «Вот молодец! Ай да Макар Теляткин! Не побоялся!»

Восторг наполнил все существо Макара, начиная с кончика пера и кончая незашнурованным ботинком (до шнурков ли в такую решительную, неповторяемо-единственную в его жизни минуту!) И даже мурашки побежали по спине.

Побежали мурашки и, добежав до середины, остановились, как раз в то мгновение, когда Макар задал себе вопрос:

— А дальше что? Гм... Что, в самом деле, будет дальше?

Мурашки по Макаровой спине замерли, выжидая ответа.

Дальше будет землетрясение. Звонки в редакцию... Кто писал? Подать сюда! Испуганный редактор, умирающий секретарь... Что вы наделали, товарищ Теляткин? Вы нас зарезали! А дальше — непродолжительная поездка с продолжительной остановкой. И еще дальше — «подпишитесь, товарищ, под показанием»...

М-да-а...

Упомянутые выше мурашки на спине Макара дрогнули, похолодели и медленно поползли обратно, доползли до затылка и, пробравшись под взлохмаченные волосы, легонько подняли их дыбом.

— Идиот!—сказал сам себе Макар Теляткин, а мурашки, с удовлетворением константировав благоприятный перелом, спокойно улеглись и исчезли.

— Идиот! В Сосновские захотел! Ишь, какой нашелся «Сосновский на местах!»

— А что, если все таки рискнуть? А? Ну, хоть для очистки совести? Написать статью... ну, хоть о старшем милиционере!

И сейчас же возник сам собой ответ:

— Пиши. Дальше корзины не пойдет.

Пол-часа Макар Теляткин сидел, уставив тусклые, потухшие глаза на открытку с Луначарским.

Потом спохватился. О! уже двенадцать, а к часу нужно сдавать материал.

Вздохнул и уныло принялся за очередную свинью, которая на этот раз была тараканом запеченным в булку ЕПО.

Писал Макар без особого вдохновения.

Ив. Прутков

ПОЛНЫМ ХОДОМ

— Что вами предпринято в борьбе с хулиганством?

— Поставлен срочно на очередь вопрос о включении в ближайшую повестку дня вопроса о созыве собрания для избрания комиссии по борьбе с хулиганством!..

ПОСТАВИМ ОЧЕРЕДНОЙ ЗАДАЧЕЙ: ДВЕРЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗРЯЧЕЙ!

Рис. Н. Радлова

В САДУ. ОСЕНЬЮ

Рис. Л. Бродаты

— Отчего это оркестр теперь так плохо играет?
— А это, знаете, всегда к отопительному сезону: кто в лес—кто по дрова!

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК.

С НАШИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ

Мы получили письмишко от Томского ЦРК о том, что заметка наша в № 32 «Смехача» «Кооперативные всходы» (о продаже гнилых дрожжей) относится не к *Томской* губкооперации а к *Мариинской* и просят исправить ошибку.

С нашим удовольствием, товарищи кооператоры!

С радостью валим гнилые дрожжи со здоровой томской головы на больную мариинскую. Кстати, товарищи из Томского ЦРК! Это очень хорошо с вашей стороны не торговать гнилым товаром, но было бы еще лучше, если бы вы... подписались на еженедельник сатиры и юмора «Смехач» (1 мес.—60 к., 3 м.—1 р. 70 к.).

Товар самый свежий. Просим убедиться!

ПРОЩЕ ПРОСТОГО

Козлоковский Сах. Завод в Упече обратился в УЦД Зап. ж. дор. с просьбой разрешить в свободное от движения поездов время пропускать за оплату по путям Новгород Северской ветки заводские мото-дрезины.

Коммерческому отделу было предписано составить **краткий и простой** договор. Иными словами без волокиты.

Хорошо-с, сказал Ком. отдела, и пошла писать жел. дор-губерния:—

Ком. отдел черкнул проектец и—в отдел движения.
Отдел движения понюхал бумажку и—в ком. отдел на переработку.
Ком. отдел переработал и — в отдел движения „на гриф". Отдел движения—в отдел пути „на визу".
Отдел пути — в отдел тяги «на всякий случай».
Отдел тяги—в отдел связи.
Отдел связи—в юридический отдел.
Юридический отдел—в отдел сборов.
Отдел сборов... впрочем, отдел сборов перечеркнул всю бумажку, исписанную вдоль и поперек, и отослал в... коммерческий отдел с надписью о том, что следовало, мол, согласно указаний, без волокиты, чтобы просто и ясно, а тут сам чорт ногу сломит.
...А что было дальше — неизвестно. Договор составляется 4-ый месяц. Сах. завод вопит, а контора пишет.
(„П. П.").

Уж, кажется, чего лучше: Сахарный Завод?! А несладко бедняге живется.

По нашему мнению, хорошо было бы начальнику дороги «пройтиться и лично убедиться»:— из комотдела в отдел движения, из отдела движения в отдел пути и т. д. и сосчитать по пальцам волокитчиков и бюрократов.

Если даже принять во внимание пальчики двух секретарш, то и то пальцев не хватит.

Тут кулачище нужен, а вы говорите—пальцы?!

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

Лен. „Красная Газета" пишет:

На торфяных болотах Электротока в платежных ведомостях на зарплату для каждого рабочего выписывается, какие именно работы он выполнял за это время. Получается не ведомость, а об'емистый том—иногда до 80 страниц.

Теперь понятно, откуда пошло ругательство:
— Ну их в болото!

ВОСЬМИМЕСЯЧНЫЙ ПЛОД.

Это—грустная повесть о тульской волоките, разрешившейся от бремени восьмимесячным канцелярским мертворожденным плодом тяжелого веса.

По словам «Коммунара».

1/I 26 г. на ст. Тула-Курская прибыл медный лом. НКПС распорядился передать его Рудметалторгу.
Рудметалторг почесал затылок, составил приемный акт; почесал поясницу и... запросил НКПС—принимать мол, или нет?
НКПС:—принимать.
Рудметалторг прикинул на счетах, почесал за ухом, опять запросил НКПС:—
Принимать или нет?
НКПС:—принимать!
Рудметалторг крякнул, почесал пониже спины и опять запросил НКПС:—
Так как, стало-быть, принимать?
НКПС:—принимать!
Прошло восемь месяцев, осень входила в свои права, когда спохватились спецы из Рудметалторга. Чем чорт не шутит, выкупим лом. Пришли, взяли документы, и ахнули:—
За 8 месяцев простоя набежало 1.214 рублей!
Покряхтели и выкупили.

Говорят еще благодарность от комиссии по режиму экономии получили.

За что?— спросит недогадливый читатель.

То-есть, как это, за что?

За своевременный выкуп. За сбереженные народные деньги!

Ведь могли же ископаемые из Рудметторга выкупить лом через год, через два, через десять лет?

В том то и ужас, читатель, что **могли**!!!..

СИБИРСКИЙ ДОКУМЕНТИК

Барабинский ЗАГС в Сибири 22-го июля выдал нижеследующую справку:

«Дана сия гр-ке с. Петухова, Ключевской волости, Гусевой Александре Никифоровой *в том, что у нее 15 июля* 1926 года, что и удостоверяется, имя которому Владимир». («К. З.»).

Приехала означенная гражданка в Томск с означенным Владимиром на руках на предмет взыскания алиментов с папаши, показала свое удостоверение, а люди только руками разводят: плакали, гражданка, ваши алименты!

Было, мол, у вас что-то 15/VII 26 года, а что—не указано, а посему—«проходите, не мешайте работать»!.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

А. Крученых, который после смерти Есенина накрутил множество макулатурных книжек, все еще не успокаивается и продолжает и по сие время крутить брошюру за брошюрой об Есенине.

Метод А. Крученыха типично торгашеский: «на самом интересном месте» брошюра обрывается такими словами:

Более подробно и с большим количеством примеров мы говорим о I-м томе «Собрания стихотворений» в готовящейся к печати нашей работе: «Новый Есенин».

Брошюра Крученыха имеет подзаголовок «Продукция № 137».

Хорошо бы принять меры к... понижению такой продукции!

Не о Крученыхе-ли мудро сказано:

— Круты та не перекручуй!

*

В № 213 ленинградской «Вечерней Красной Газеты» читаем письмо из провинции:

Пахнут травы. Солнце греет.
В небе тянут журавли...
Ишь ведь как умело бреют
Рыло матери земли!

По капризу поэта—журавли бреют землю! Не журавлиное это дело, но чего не сделаешь для рифмы?

Однако, каким это образом летящие в небе журавли в этоже время ухитряются также брить землю?..

Как это говорится: не сули журавля-парикмахера в небе, а дай в руки синицу, занимающуюся своим прямым птичьим делом!

*

Вера Инбер в последней книжке своих рассказов, изданных «Землей и Фабрикой», так описывает природу:

Рецепт весны таков. Совершенно свежие и острые почки, облитые солнцем, распускаются на старом тополе (рекомендуется глубоко вдыхать их запах, это—один из прекраснейших на свете), затем над мелко взбитым облаком всходит тонкая луна самой первой четверти...

Предлагаем Вере Инбер собрать подобные «рецепты» в отдельную книгу и выпустить ее в свет под названием «Подарок молодым поэтессам».

НЕУДАЧА

В Москве в одной из больниц открыта клиника по изучению растратчиков.

Из газет.

Рис. Б. Антоновского

Растратчик: **— Чорт возьми, уже пол второго, удирать надо, а тут жди до завтра!**

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

Рис. Б. Шемиота.

— А вы, гражданин, чего тут без дела находитесь?
— А я на огонек зашел! Посмотреть, как мой членский взнос прогорает.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

83 Москва, Ф. Т. Это что же, позвольте спросить,—стихи или проза?

«Бумага...
К бумаге план.
На бумаге слова.
Исх. номер,
Под словами—печать
и
семь подписей»... и т. д., и т. д.

Стол...
Под столом корзина.
Редакционная.

И
дальше
все
по-
нятно...

84 Минск, Сатирику. В Минске событие: появились плевательницы. По этому случаю Сатирик разразился стишками:

Чтоб культурою блеснуть,
Иностранцам рот заткнуть,
По примеру заграницы
И у нас плевательницы...

Если плевательницы на улицах Минска поставлены так же скверно, как в стихах Сатирика, тогда и хвастать нечего!

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 21760. Гос. тип. им. тов. Зиновьева «Изд-ва Лен. Правда» Ленинград, Социалистическая, 14. Зак. № 4525. Тираж 80.000

К ПРЕДСТОЯЩЕЙ КАМПАНИИ

Рис. А. Радакова

УДАРНАЯ КОМПАНИЯ И—

КАК ЕЕ СЛЕДУЕТ ПРОВОДИТЬ.